

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

УДК 913+327

Кризис в отношениях между Россией и Украиной и его влияние на трансграничные взаимодействия¹

В. А. Колосов

*Институт географии Российской академии наук,
119017, Москва, Старомонетный переулок, 29, стр. 4;
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Для цитирования: Колосов В. А. Кризис в отношениях между Россией и Украиной и его влияние на трансграничные взаимодействия // Актуальные проблемы мировой политики. Вып. 10 / под ред. Т. С. Немчиновой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. С. 444–464.
<https://doi.org/10.21638/11701/26868318.30>

Статья посвящена влиянию кризиса в отношениях между двумя странами на взаимодействия между их приграничными районами, экономику и социальную сферу российского порубежья. Кратко анализируются предпосылки, которые привели к острому политическому конфликту между двумя государствами, и дается обзор исторических и этнокультурных особенностей развития приграничных регионов России и Украины. Рассматривается специфика соседства и социально-экономические градиенты между соседними территориями двух стран.

Ключевые слова: трансграничное взаимодействие, Украина, Россия, территориальные идентичности.

Российско-украинские отношения были сложными и нестабильными с первых дней после распада Советского Союза. Воссоединение Крыма с Россией и появление нового закрытого государственного рубежа с Украиной, гражданская война в Донбассе стали новыми вызовами, радикально трансформировавшими обстановку в российско-украинском пограничье. Сокращение связей суще-

---

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания № 0148-2019-008 «Проблемы и перспективы территориального развития России в условиях неравномерности и глобальной нестабильности».

ственно повлияло на хозяйство и повседневную жизнь населения приграничных районов России.

Приграничные территории России и Украины исторически связаны друг с другом. Многие годы они развивались в составе Российской империи, затем Советского Союза. Советский период был отмечен для них интенсивной социально-экономической модернизацией. Украинцы — близкородственный русским народ, в течение многих веков живший в одном с ними государстве. Разрыв между Украиной и Россией оказался болезненным.

Настоящая статья посвящена влиянию кризиса в отношениях между двумя странами на взаимодействия между их приграничными районами, экономику и социальную сферу российского порубежья. Сначала кратко анализируются предпосылки, которые привели к острому политическому конфликту между двумя государствами, и дается обзор исторических и этнокультурных особенностей развития приграничных регионов России и Украины. Затем рассматривается специфика соседства и социально-экономические градиенты между соседними территориями двух стран.

Региональные контрасты и исторические особенности развития приграничных регионов России и Украины. Динамика российско-украинских отношений напрямую связана с путями государственного и национального строительства в обеих странах, отражающими сложную иерархию территориальных идентичностей. Современная территория украинского государства сформировалась совсем недавно. Существовавшие в прошлом политические и административные границы отчетливо проявляются в идентичности жителей и совпадают с религиозными, языковыми, социально-экономическими и политико-культурными рубежами [1]. Глубокая связь между региональной, лингвистической и конфессиональной принадлежностью и электоральными предпочтениями населения выявлена многочисленными исследованиями украинских, российских и западных специалистов с использованием как социологических, так и географических методов, а также статистических моделей [2–6].

Дебаты о геополитической ориентации Украины составляли неразрывную часть строительства национальной идентичности и были тесно переплетены с ключевыми проблемами украинской государственности [7–8]. Экономические факторы толкали Украину к востоку, а политические и «идеологические» факторы, связанные с задачами государственного строительства, — к западу. Эти

противоречия можно рассматривать как конфликт между задачами национального и государственного строительства и ограничениями экономического развития. Украинская этническая и политическая идентичность сильнее в западных регионах, а интеллектуальный потенциал и отрасли высокой технологии были сконцентрированы преимущественно на востоке.

В условиях социально-культурной поляризации между востоком и западом страны (в реальности культурные различия здесь носят гораздо более сложный характер) среди украинской политической элиты еще в начале 1990-х годов возобладало мнение, что Украина станет современным государством только тогда, когда в обществе будет достигнута определенная культурно-языковая однородность. Опасаясь раскола страны по региональным разломам, украинские идеологи и государственные деятели взяли курс на строительство политической идентичности, объединяющей всех граждан независимо от их этнической, языковой, конфессиональной и региональной принадлежности, на основе украинской национальной (чаще именно западноукраинской) культуры, исторических представлений и стереотипов. Всякое государство, подчеркивали многие авторы, нуждается в особой системе национальных мифов, символов и представлений, поэтому господствующая украинская историография является не националистической, а национальной [7]. Главным способом укрепления общей политической идентичности и построения независимой Украины как нового крупного европейского государства стала известная в истории «оппозиционная» модель — противопоставление России.

Предлагаемая политической и интеллектуальной элитой «национальная идея» основывалась на представлении, что украинцы — европейский народ, всегда тяготевший к передовым странам Европы, насильственно отторгнутый от них после присоединения к России. Отрицание культурного единства восточных славян, хотя и с некоторыми колебаниями, задолго до нынешнего кризиса закономерно привело к принятию «западной» геополитической доктрины и признанию НАТО гарантом национального суверенитета и безопасности. Наследие почти трех с половиной столетий имперского и советского периодов истории рисуется исключительно в черном цвете [9, с. 50–67]. Поскольку украинская идентичность противопоставляется русской и «малороссийской» (идентичности русскоязычных и русифицированных украинцев), то из этого следует необходимость со-

кращения социальной и культурной дистанции между регионами, строительства централизованного, унитарного государства, в котором вопросы образования и культуры решаются главным образом в столице.

Национальные стереотипы обязательно включают образы пространства: разные районы государства получают своего рода коды, и многие из них становятся национальными символами, рассматриваемыми как колыбель государственности, очаги национального сознания и борьбы за независимость. На географические образы опираются проекты государственного строительства, внешнеполитические стратегии (например, присоединения к НАТО или ЕС).

Современная «национальная идея» предполагает коренной пересмотр символического восприятия территории Украины и ее границ как органической части идентичности. В советский период главным регионом Украины был Восток. Причины этого — и экономические, и идеологические: высокая концентрация рабочего класса, который рассматривался как опора советской власти, интернациональный состав населения, распространение русского языка. Восток — это и Донбасс, один из становых промышленных регионов всего Советского Союза; и Харьков — первая столица Украины, третий по численности населения город СССР, средоточие крупнейших предприятий центрального подчинения, стратегически важных для всей страны, и город шахтеров и металлургов Донецк. Множество выходцев с Востока постоянно пополняли ряды высшего советского партийного и военного руководства, интеллектуальную элиту, творческую интеллигенцию. Напротив, Запад, до Второй мировой войны никогда не входивший в состав общего с Россией государства, воспринимался как сельская, аграрная, сравнительно чуждая периферия и ассоциировался с «бандеровщиной» — партизанской борьбой против советской власти в первые послевоенные годы.

Однако в годы независимости Запад, наоборот, стал рассматриваться как колыбель национально-освободительного движения и истинно украинской идентичности, оплот демократизации, обеспечивающий наряду со столицей социальный прогресс и желанное сближение с Европой, а жители Востока — русифицированными и одуроченными коммунистической, а позже российской пропагандой малообразованными «ватниками», не помнящими родства. Их позиция интерпретировалась как препятствие европеизации и демократической трансформации страны, а русский язык стал симво-

лом прокоммунистической ориентации и ностальгии по советскому прошлому².

На Востоке приверженцы концепции единства трех восточно-славянских народов полагали, что за много веков совместной жизни в рамках одного государства произошло естественное тесное взаимопроникновение родственных украинской и русской культур, сближение идентичностей русских и украинцев. Согласно такой позиции, в ходе «столкновения цивилизаций» общее русско-украинское культурно-лингвистическое пространство было расколото внешними силами, стремящимися изменить геокультурный код украинского народа и превратить Украину в периферию глобального Запада. Орудием этих сил стал радикальный украинский национализм в его галицийской версии. Именно Западная Украина, далекая периферия Запада — «чужая» в украинском государстве [10].

Жителям Востока была близка идея федерализации Украины как способа учета различных интересов регионов и отражения их ярко выраженной культурной специфики. Население Востока волновали не столько статус русского языка и проповедуемая политической и интеллектуальной элитой «национальная идея», сколько ее принципиальный антироссийский компонент, навязываемое представление о неполноценности, культурной периферийности и зависимости «насильственно русифицированных» территорий от «национально сознательного» Запада. Важнейшую роль в расколе сыграли глубокие различия в коллективной исторической памяти и ценностях Востока и Запада. Жители Востока воспринимали себя не как жертвы советского строя, установленного «чужаками» из России, а как активные творцы истории коммунистического периода, хранили память не только о его провалах и несчастьях, но и о достижениях, отстаивая право на собственную интерпретацию недавнего прошлого³, тем более что экономический и интеллектуальный потенциал, уровень благосостояния на Востоке были выше.

Культурный и политический раскол между Востоком и Западом усугублялся конфликтом между региональными элитами, оспаривавшими контроль над центральными институтами власти. Представляющие разные части страны партии в значительной мере мо-

---

² Рябчук М. Две Украины // Независимая газета. 1992. № 45 (216). 6 марта.

³ Zhurzhenko T. The myth of two Ukraines. Eurozine, 17 Sept. 2002. <http://www.eurozine.com/the-myth-of-two-ukraines>.

нополизировали поддержку избирателей в районах, на которые они опирались: в Донбассе большинство избирателей голосовало сначала за компартию, затем за Партию регионов. Политическая поляризация консервировала мифы и стереотипы, культурную изоляцию Востока и Запада. По данным луганских социологов, в 2007 г. 54 % жителей Луганска никогда не были в западной части страны и в то же время 65 % львовян не бывали в Донбассе⁴.

События 2014 г. глубоко трансформировали общественное мнение на Украине. С одной стороны, они вызвали фактически сецессию части территорий Донецкой и Луганской области, а с другой — сильно способствовали консолидации украинской политической нации. Национализм — одна из главных форм территориальной идеологии и основа государственного строительства. Он всегда предполагает борьбу за территорию или защиту прав на нее. Общественные представления о «коренном населении» и его культуре, безопасности государства, предполагаемых или реальных внешних угрозах, исторические мифы и стереотипы определяют отношение людей к конкретной границе [11].

Нынешняя граница между Россией и Украиной на большей части протяженности очень «молода» и в своем нынешнем виде возникла только в XX в., в первые годы советской власти, хотя начертание многих отрезков сложилось гораздо раньше.

Процесс консолидации восточнославянских земель в XIII–XIV вв. привел к тому, что регионы современного российско-украинского пограничья оказались в составе нескольких соседних государств — Великого княжества Литовского, Великого княжества Московского и Королевства Польского. При этом Великое княжество Литовское охватывало почти всю Украину, а также юго-западные и западные территории России с городами Смоленском, Вязьмой, Курском, Брянском, Рыльском. В конце XVI в. украинские земли вместе с Левобережной Украиной отошли от Великого княжества Литовского, которое стало частью Речи Посполитой, к Королевству Польскому. В результате русско-польской войны в период Смутного времени в Московском государстве к Польше также были присоединены территории нынешних Смоленской, Брянской, часть Курской, Сумской и Черниговской областей.

---

⁴ Скоркин К. Элиты и контрэлиты Донбасса. Как сформировалось руководство ДНР-ЛНР. <http://carnegie.ru/commentary/75294>.

В середине XVII в. в результате антипольского восстания Богдана Хмельницкого (1648) на территории Левобережной и Правобережной Украины и части современной Белоруссии с городами Пинском, Гомелем и Могилевом образовалось автономное политическое образование Гетманская Украина (Гетманщина, Малороссия), которое по решению Переяславской рады (1654) вошло в состав России. К землям Гетманщины преимущественно относились территории современных Полтавской, Киевской, Черниговской областей Украины, а также западная часть Брянской области России (нынешние районные центры Мглин, Сураж, Стародуб, Погар, Почеп). В этот период за Белгородской засечной чертой в составе России образовалась казачья Слободская Украина, которая занимала территории современных Сумской, Харьковской, северной части Луганской областей Украины, а также юго-западную часть Курской (Суджа), южную часть Белгородской (Короча, Новый Оскол, Грайворон, Бирюч, Валуйки) и юго-западную часть Воронежской (Острогожск) областей России. Слободская Украина существовала как особая территория в составе России и заселялась после создания Белгородской засечной черты одновременно выходцами из России и Украины [12–13]. Приблизительно в то же время к юго-востоку от описанных областей, сначала в среднем, а затем и в нижнем течении Дона формировалось донское казачество, соперничавшее с украинским казачеством Гетманщины, Запорожья и Слободской Украины.

Следующий передел нынешних пограничных территорий произошёл после окончания войны между Россией и Речью Посполитой (1654–1667), которая закончилась Андрусовским мирным договором (1667), по которому Правобережная Украина осталась в составе Речи Посполитой, а к России отошла территория Левобережья вместе с Киевом, а также западная часть современной Брянской области и смоленские земли. Территории Запорожского казачества фактически остались под двойным протекторатом России и Польши. Рубежи России, возникшие в результате Андрусовского договора, а также внутренние полковые границы казачьих Гетманщины и Слободской Украины заложили фундамент для последующих политико-административных преобразований. Например, сегодня по этим границам частично пролегают государственные границы России, Белоруссии и Украины.

С 1772 по 1795 г. под натиском Российской и Австрийской империй и королевства Пруссии происходят три раздела ослабшей

Речи Посполитой. В результате к концу XVIII в. регионы российско-украинского пограничья на продолжительное время вошли в состав Российской империи, а затем и Советского государства. Многие пограничные территории получают сильный импульс социально-экономического развития. Происходит рост городов, мануфактуры сменяются заводами и фабриками. Постепенно складывается мощный урбанизированный промышленный район.

В 1922 г. РСФСР и УССР подписали Договор об образовании СССР, а с 1923 по 1926 г. отдельные территории РСФСР были переданы в состав УССР (Путивль, Мирополье и другие) [14]. До распада Союза приграничные территории развивались в единой системе плановой экономики и встраивались в тесно интегрированные производственные кооперационные цепочки, что до последнего времени проявлялось в специфике их хозяйства.

В результате длительного развития в рамках одного государства приграничные регионы России и Украины характеризуются смешанным этническим составом населения. Границы между русскими и украинцами здесь весьма размыты. Сложился целый спектр региональных форм идентичности населения [15, с. 21–26; 16, с. 57–87]⁵. Внутригосударственные различия в идентичности жителей на Украине были значительно сильнее межгосударственных в ее восточном и северном пограничье. Хотя в целом, по данным переписей населения, во всех приграничных регионах преобладает титульный этнос, доля русского населения в приграничных украинских областях больше, чем украинского — в российских. Так, доля тех, кто назвал себя украинцем, в регионах российского пограничья не превышает 3% (максимум приходится на Белгородскую, Воронежскую и Ростовскую области). В украинской части пограничья наибольшая доля русских в Донецкой, Луганской и Харьковской областях (25–40%), а в Крыму накануне присоединения к России они преобладали (58%). В северо-западной части пограничья этническая контрастность границы выражена значительно сильнее, чем в юго-восточной. Доля украинцев на границе падает более значительно, чем русских, однако существенная часть жителей российских приграничных территорий имеет украинские корни.

---

⁵ Zhurzhenko, T. The myth of two Ukraines // Eurozine, 2002, 17 Sept. <http://www.eurozine.com/the-myth-of-two-ukraines>.

В связи с активными миграционными процессами, но особенно благодаря изменениям идентичности доля титульных народов в населении приграничных регионов постоянно увеличивается. Исследования показывают, что в пограничье все чаще в это понятие вкладывается национально-гражданский смысл. Иными словами, люди считают себя русскими, потому что родились и выросли в России, а украинцами, потому что являются гражданами Украины. На сегодняшний день на Украине под влиянием украинизации образования и административной сферы самоидентификация части жителей приграничья, особенно происходящих из смешанных браков, изменилась с русской на украинскую [17].

Сложность этнокультурной ситуации в российско-украинском пограничье обусловлена и неравномерностью освоения территории русскими и украинцами. Среди городского населения Юго-Восточной Украины, составлявшего абсолютное большинство жителей, русский язык всегда преобладал, а в населении многих промышленных городов, получивших развитие в советские годы, особенно в Донбассе, большую часть составляли русские. С российской стороны, несмотря на процессы ассимиляции украинцев, ускорившиеся после ликвидации в 1938 г. сталинским режимом украинских национальных районов, оно сохранило самобытность благодаря особенностям регионального самосознания, говора (суржик) и материальной культуры [18]. Для Левобережной Украины — территории бывшей Гетманщины — русская культура и Россия играют роль «значимого другого». Здесь понятие «русский» в последние годы сильно политизировано, а «малоросс» — оскорбительно.

Российско-украинское пограничье на рубеже второго и третьего десятилетий XXI века. На российско-украинской границе отчетливо проявляется фундаментальный природный, социально-экономический и исторический градиент «северо-запад — юго-восток», определяющий дифференциацию пограничья. В этом направлении вытянут государственный рубеж между Россией и Украиной. Он пересекает несколько природных зон — лесную, лесостепную и степную⁶. В северной части пограничья с ее более плоским рельефом даже в тех случаях, когда граница проходит по поперечному сечению речных долин, из-за слабой заселенности пограничной зоны и конфигурации коммуникаций это не вызывает серьезных проблем

---

⁶ Попкова Л. И. География населения российско-украинского приграничья. Автореф. дисс. докт. геогр. наук. М.: ИГ РАН, 2007.

для жителей близлежащих населенных пунктов. В лесостепной части с широко развитой овражно-балочной сетью и особенно в более засушливой степной зоне, на многих отрезках также характеризующейся более сложным рельефом, поселения, как правило, расположены цепочками в нижней части долин, их плотность выше. Если граница пересекает водоразделы, соседние поселения отсечены друг от друга государственной границей, что до кризиса в двусторонних отношениях и резкого сокращения трансграничных взаимодействий порождало бытовые трудности для местных жителей, усложняло коммуникации и пограничный контроль. Кратчайшие дороги между населенными пунктами нередко проходят по территории соседней страны.

Градиент «северо-запад — юго-восток» характерен и для обстоятельств становления границы и географического положения приграничных районов, которое меняется от внутриконтинентального к приморскому и транзитному, и степени этнической контрастности российско-украинской границы.

Естественным следствием установления государственной границы между бывшими советскими республиками стала асинхронность общественных процессов на единой в прошлом территории, проявляющаяся и на межгосударственном, и на региональном уровне. Поэтому различия, существовавшие между соседними территориями в советский период, подверглись значительной трансформации и углубились.

Территория приграничных регионов России существенно больше, чем прилегающих украинских, но по численности населения они сопоставимы: с украинской стороны в приграничных областях на начало 2017 г. проживало 12,3 млн человек, с российской — 12,8 млн. При этом украинские приграничные области более урбанизированные: только городов в них насчитывается 165 (в российских — лишь 99), а доля городского населения составляет соответственно 75,4% (в российских — 69%). Поэтому и плотность населения в большинстве украинских областей выше, чем в соседних российских (исключение — Черниговская и Брянская области).

В приграничье находятся несколько крупнейших городов обеих стран: Донецк, Ростов-на-Дону и Харьков — города-миллионники. В Донбассе сложилась крупнейшая конурбационная система, объединяющая Донецкую и другие агломерации востока Украины с населением в 6,7 млн человек. Российская часть Донецкого бассейна

отрезана от украинской государственной границей и образует приграничную Ростово-Шахтинскую полицентрическую агломерацию (население — около 3 млн человек).

Еще одна потенциальная трансграничная агломерация — Харьковско-Белгородская (около 3 млн жителей). Расстояние между этими областными центрами — менее 70 км. Окраины Харькова, в прошлом четвертого по величине и промышленному потенциалу города СССР, находятся всего в 25–30 км от российской границы.

В соседних областях двух стран сложились пары или группы городов и населенных пунктов, удаленных от границы и друг от друга на относительно небольшое расстояние (до 50 км), соединенных автомобильными и железными дорогами и поддерживавших до недавнего времени экономические и социальные связи (например, Суджа — Сумы, Чертково — Меловое, Грайворон — Великая Писаревка, Шебекино — Волчанск). На этих участках трансграничные взаимодействия были более активны. Организационными центрами приграничного сотрудничества служили и столицы соседних областей, расположенные сравнительно недалеко друг от друга (Курск — Сумы, Белгород — Харьков, Ростов — Донецк). Вместе с тем неудобное сообщение между некоторыми соседними областными центрами (Брянск — Чернигов, Воронеж — Луганск), расположенными в разных транспортных коридорах или просто значительно удаленными друг от друга, затрудняло контакты.

Демографический кризис — общий фон социальных и экономических процессов в России и на Украине. Все же в украинском приграничье демографические показатели в целом хуже, чем в российском, особенно в Черниговской области, в которой превышение смертности над рождаемостью на 1000 жителей исчислялось в 2014 г. двузначной цифрой (–10,2). На демографическую ситуацию в пограничной зоне в равной степени влияют низкая рождаемость и высокая смертность. Первый фактор имеет большее значение в юго-восточной, более урбанизированной части пограничья, второй — в западной, более сельской.

Разрыв между Россией и Украиной в социально-экономических показателях на всех участках пограничья существенно углубился. Если в 2013 г. пограничные области имели сопоставимые показатели душевого валового регионального продукта (ВРП) — в российских регионах он составил около 130 млрд долл., в украинских — порядка 100 млрд, то в 2015 г. разница между ними в среднем выросла в 1,5–

2,5 раза. Во многом это связано с обвалом экономики Донецкой и Луганской областей⁷. По официальным данным, ВРП Донецкой области в 2015 г. по сравнению с 2013 г. уменьшился в 2,2 раза, Луганской — в 3,6 раза. Градиенты между остальными украинскими и соседними российскими областями существенно не изменились, однако перевес российских областей усилился на 5–10 процентных пунктов.

По объемам промышленного производства в 2013 г. многие украинские пограничные регионы относились к наиболее развитым в своей стране, превосходя российские. Донецкая область на Украине была ярко выраженным промышленным лидером. По данным на 2012 г., в ней было произведено 17,3 % промышленной продукции страны. Еще 6 % было выпущено в Луганской области и 5,5 % — в Харьковской (см. табл. 1). Суммарно на приграничные с Россией регионы в 2013 г. приходилось порядка 32 % промышленной продукции Украины. Промышленное производство в Донецкой области сократилось за 2013–2016 гг. вдвое, в Луганской — в 4,2 раза. Лидером в украинском пограничье стала Харьковская область (8,4 % промышленной продукции страны).

К 2016 г. доля всего пограничья в промышленном производстве Украины сократилась до 23,7 %. Среди российских приграничных регионов по объему промышленного производства первенствует Ростовская область, но ее доля в общероссийском показателе в 2016 г. составляла лишь 1,5 %. За ней следуют Белгородская, Воронежская и Курская области, однако их суммарная доля в промышленном производстве России невелика — в 2016 г. лишь 4,3 %.

Если российские приграничные регионы уступают украинским по роли в промышленности своей страны, то по производству сельскохозяйственной продукции некоторые из них занимают в России уникальное место. Ростовская, Белгородская и Воронежская области в 2015 г. по общему объему сельскохозяйственной продукции находились соответственно на втором, третьем и пятом местах в стране. Общий валовой сбор зерна в российском пограничье, в которое входят основные зернопроизводящие регионы страны, более чем вдвое

---

⁷ Точно оценить масштабы сокращения численности населения и падения производства на территории Луганской Народной Республики (ЛНР) и Донецкой Народной Республики (ДНР) практически невозможно: информация Национальной службы статистики Украины приводится без выделения данных по ДНР и ЛНР, а в самих непризнанных республиках официальные статистические данные не публикуются.

Таблица 1. Основные экономические показатели приграничных областей России и Украины*

Страна/ регион	Валовой региональный продукт по паритету покупательной способности				Промышленное производство по паритету покупательной способности			
	2013	2013	2015	2015	2013	2015	2013	2015
	млн долл.	в % от средней по стране	млн долл.	в % от средней по стране	млн долл.	в % от средней по стране	млн долл.	в % от средней по стране
Россия	2 785 799	100	2 709 904	100	2 130 294	100	2 046 742	100
Брянская обл.	11 302	0,4	11 254	0,4	6640	0,3	7437	0,4
Курская обл.	13 982	0,5	13 980	0,5	11 073	0,5	10 270	0,5
Белгородская обл.	29 299	1,1	28 616	1,1	27 257	1,3	27 215	1,3
Воронежская обл.	31 498	1,1	34 319	1,3	16 589	0,8	18 698	0,9
Ростовская обл.	47 252	1,7	48 855	1,8	32 192	1,5	31 226	1,5
Республика Крым	...	...	10 351	0,4	...	...	3418	0,2
Украина	408 000	100	373 392		362 843	100	298 369	100
Черниговская обл.	6494	1,6	6625	1,8	5029	1,4	4728	1,6
Сумская обл.	7172	1,8	7152	1,9	6426	1,8	6293	2,1
Харьковская обл.	22 860	5,6	22 728	6,1	20 981	5,8	19 201	6,4
Луганская обл.	14 766	3,6	7387	2,0	19 469	5,4	3925	1,3
Донецкая обл.	44 192	10,8	28 231	7,6	59 121	16,3	29 866	10,0
Херсонская обл.	5565	1,4	5471	1,5	2916	0,8	2924	1,0

* Показатели по Украине за 2015 г. включают данные по предприятиям, которые представляют сводные отчеты (без деления по регионам).

Источник: Регионы России, 2016. https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/B16_14p/Main.htm; Статистичний збірник «Регіони України», 2016. https://ukrstat.org/uk/druk/publicat/Arhiv_u/Arch_reg.htm

превысил аналогичный показатель по пяти украинским регионам. На украинские приграничные области приходилось около четверти сельскохозяйственного производства страны; наибольшим его объемом отличалась Харьковская область.

Наименьшие градиенты по-прежнему наблюдаются на севере пограничья, на рубежах между Брянской и Курской областями РФ и Черниговской и Сумской областями Украины. Различия основных показателей здесь колеблются в пределах 1,5–1,7 раза. С 2010-х годов заметно обострилась ситуация на рынке труда в приграничных регионах Украины, где уровень безработицы сегодня превышает 10% (за исключением Харьковской области).

Невелики различия и на новом участке российско-украинского пограничья между Республикой Крым и Херсонской областью. Хотя темпы роста ВРП Крыма после присоединения к России возросли, экономика республики пока не восстановилась до уровня 2013 г. По показателям душевого розничного товарооборота и промышленного производства регионы практически сопоставимы. В то же время после присоединения Крыма к России в регионе немного вырос среднедушевой уровень доходов и стабилизировался уровень безработицы, в результате чего различия по этим показателям с Херсонской областью увеличились.

Наиболее резкие градиенты в 2016 г. были характерны для участков российско-украинской границы между Белгородской и Харьковской, Ростовской и Донецкой областями. По уровню душевого ВРП, доходам и уровню безработицы превосходство российских областей достигает уже 2,5 раза. Только по обороту розничной торговли отставание Харьковской области от российских соседей остается небольшим (на 20%).

Политический кризис в отношениях с Украиной сильно повлиял на динамику товарооборота между двумя странами (табл. 2). За 2013–2016 гг. внешнеторговый оборот между Россией и Украиной сократился более чем в 4 раза. В 2016 г. доля Украины во внешней торговле с Россией составила всего 2,2% (в 2013 г. — 5%). Импорт уменьшился более существенно (в 4 раза), чем экспорт (в 3,8 раза). Это связано в том числе со взаимными продовольственными санкциями — запретами на ввоз из соседней страны многих видов сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия (в частности, молока и молочных изделий, мяса и мясной продукции, соков и детского питания, а также ряда кондитерских изделий, алкоголя).

Таблица 2. Внешнеторговые связи приграничных российских регионов

	Внешнеторговый оборот, млн долл.	Внешнеторговый оборот с Украиной, млн долл.	Доля Украины, %	Внешнеторговый оборот, млн долл.	Внешнеторговый оборот с Украиной, млн долл.	Доля Украины, %	Динамика внешнеторгового оборота с Украиной, (2016 г. к 2013 г.), %
	2013			2016			
Россия	842 233,4	39 603,5	5	467 752,8	10231	2,2	26
Брянская обл.	1594,7	203,7	13	794,3	75,8	10	37
Курская обл.	1359,3	436,2	32	888,4	152,6	17	35
Белгородская обл.	7352,7	3998	54	3584,2	1037,7	29	26
Воронежская обл.	2740,8	697	25	1965,6	300,7	15	43
Ростовская обл.	9995,0	1999	20	7710,0	1025,4	13	51

Источник: Регионы России, 2016. https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/B16_14p/Main.htm; Статистичний збірник «Регіони України», 2016. https://ukrstat.org/uk/druk/publicat/Arhiv_u/Arch_reg.htm.

Товарная структура российского импорта из Украины в 2016 г. была представлена главным образом оксидом алюминия (8%), турбореактивными двигателями (7%) и электроэнергией (5%), товарная структура экспорта в Украину — нефтью и нефтепродуктами (15%), аммиаком (13%) и каменным углем (9%)⁸. Доля Украины в российской внешней торговле за период с 2013 по 2016 г. уменьшилась с 4,7 (5-е место) до 2,8% (13-е место)⁹.

Хотя физические объемы внешней торговли всех российских приграничных регионов с Украиной сократились в 2016 г. на 50–70% по сравнению с докризисным 2013 г., она остается важным торговым партнером всех российских приграничных регионов (табл. 2). В абсолютном выражении товарооборот с Украиной наиболее значите-

⁸ Импорт из Украины в Россию: статистика, динамика, структура // Статистика ВЭД. <http://www.ved-stat.ru/analiz/292-import-ua>.

⁹ Анализ взаимной торговли России и Украины за 2015 г. <http://www.rusexporter.ru/research/country/detail/4770>.

лен в Белгородской области (в 2016 г. — 1038 млн долл.). Украина — ведущий внешнеторговый партнер Курской области (17,2% оборота) и занимает третье место во внешнеторговом обороте Ростовской и Брянской областей.

В конце 2016 г. во всех приграничных областях начался бурный компенсационный рост торговли между Россией и Украиной, продолжившийся в 2017 г. (за январь — октябрь 2017 г. — на 23% в годовом выражении). Особенно сильно он проявился в Ростовской области, экспорт которой на Украину вырос в 2016 г. на 45% по сравнению с предыдущим годом и достиг исторического максимума. В этом, безусловно, сказалось соседство области с ДНР и ЛНР, торговля с которыми отдельно не учитывается.

Взаимодействия между регионами российско-украинского пограничья: пример Ростовской области. Обострение российско-украинских отношений по-разному отразилось на жизни соседних регионов двух стран в зависимости от природно-морфологических различий и истории и характера освоения разных участков пограничья.

Юго-западный участок российско-украинской границы проходит по некогда единому Донецкому угольному бассейну. Регионы ростовско-донецко-луганского пограничья всегда имели тесные связи друг с другом. Здесь в советское время сложилась Донецко-Азовская трансграничная система расселения, в которой сосредоточено более 10 млн жителей. Граница рассекла ее более 25 лет назад, причем на отдельных участках она разделила фактически сросшиеся населенные пункты. Многие предприятия по обе стороны от нее имели хозяйственные и кооперационные связи. Население поддерживало тесные родственные и дружеские отношения. К 2006 г. был открыт 41 местный пункт пропуска, которые дополняли восемь международных автомобильных и железнодорожных пропускных пунктов. В 2011 г. был создан еврорегион «Донбасс», в рамках которого предполагалось реализовать совместные проекты, «сшивающие» пространство двух стран.

Теперь большая часть Ростовской области де-факто граничит с ДНР и ЛНР, в том числе на отдельных участках непосредственно с районами, в которых велись боевые действия, откуда прибывали раненые и беженцы. Для вынужденных переселенцев из Украины здесь были открыты временные пункты размещения, из которых людей распределяли по другим российским регионам. Формировались добровольческие отряды, конвои с гуманитарной помощью.

Массовое прибытие людей из соседних районов Украины, среди которых преобладали женщины и дети, потребовало мобилизации значительных сил и средств. Только на миграционный учет было поставлено более 290 тыс. человек, часть из которых обратилась за оформлением разрешения на временное пребывание, вида на жительство или гражданства.

Благодаря особым отношениям России с ДНР и ЛНР местные пункты пропуска не были закрыты, и жители непризнанных республик могут пересекать российскую границу по внутренним паспортам. Последствия гражданской войны, разделившей семьи, и дефицит потребительских товаров в ДНР и ЛНР привели к двукратному росту потоков людей через границу. Появились частные перевозчики, компенсировавшие сокращение транспортного сообщения между регионами. Чтобы реализовывать свою продукцию на российском рынке, отдельные предприятия ДНР и ЛНР открыли филиалы и производственные площадки в Ростовской области. В ее приграничных городах и районах крупные торговые сети быстро построили новые супер- и гипермаркеты в расчете на потребителей из ДНР и ЛНР; оживилась торговля на оптовых базах Таганрога и Ростова-на-Дону.

Резко изменились конфигурация пассажирских сообщений и логистические схемы, используемые хозяйствующими агентами. Разрушение в ходе военных действий аэропорта в Донецке способствовало увеличению пассажирооборота в ростовском аэропорту, достигшего трехмиллионной отметки¹⁰. Отменены поезда, следовавшие через территорию Украины. В 2017 г. завершилось строительство обхода украинской территории на основном железнодорожном ходе Москва — Ростов (участок Миллерово — Журавка). Из существовавших прежде международных автобусных маршрутов сохранились в основном транзитные и те, что соединяют города Ростовской области с ДНР и ЛНР. Автобусы, следующие в города остальной Украины, а также грузовые перевозчики вынуждены делать большой крюк по трассе М4 через Белгород и Харьков. Для доставки внешнеторговых грузов вместо украинских портов Николаева и Одессы используют перегруженные российские — Новороссийск, Порт-Кавказ, Ростов и др.

---

¹⁰ До событий 2014 г., наоборот, жители Ростовской области нередко пользовались Донецким аэропортом, имевшим прямое сообщение с большим числом городов, чем Ростовский, причем по более низким тарифам.

Таким образом, политический кризис в российско-украинских отношениях, начавшийся в 2014 г., серьезным образом трансформировал трансграничные взаимодействия, привел к усилению барьерных функций на всем протяжении российско-украинской границы и сокращению трансграничных потоков населения. Снизилась интенсивность приграничных взаимодействий по всем направлениям — институциональному, инфраструктурному, гуманитарному и экономическому. Программы приграничного сотрудничества — результат многолетней деятельности по согласованию интересов двух стран в приграничной зоне — полностью свернуты. Трансграничные транспортные связи России и Украины ныне переживают период глубокого упадка. Их интенсивность и регулярность уменьшилась в несколько раз. Пассажирский поток через российско-украинскую границу сократился почти вдвое. За 2013–2016 гг. в 2–4 раза уменьшился и внешнеторговый оборот российских приграничных регионов с Украиной.

Тем не менее трансграничные взаимодействия полностью не прекратились: сохраняются, хотя и в гораздо меньших масштабах, сотрудничество в сфере культуры, неформальные и родственные контакты, усилились трудовые миграции, в том числе нелегальные, из Украины в приграничные российские регионы (преимущественно в Белгородскую область).

Население и хозяйство приграничных регионов России и Украины постепенно адаптируется к новым условиям взаимодействия. Там, где возможно, российские регионы переориентируются на сотрудничество с Белоруссией. В свою очередь, малые и средние предприятия из приграничных регионов Украины (Харьковская, Луганская, Донецкая области) открывают представительства или полностью переводят производство в соседние российские области с целью сохранить российский рынок и диверсифицировать риски.

Изменение геополитической обстановки обернулось противоречивыми последствиями для локальных агентов трансграничных взаимодействий. Образование ДНР и ЛНР, военные действия вблизи российской границы и прием многочисленных вынужденных переселенцев в 2014 г. резко изменили характер соседства на южном участке пограничья. В отличие от других участков, социальные и экономические взаимодействия здесь не были редуцированы, но претерпели коренные изменения, в результате которых потоки товаров и людей возросли. Крайняя неопределенность перспектив

отношений между Россией и Украиной, будущего ДНР и ЛНР ограничивает деятельность властей и экономических агентов, лишая их возможности выстраивания долгосрочных планов.

Литература

1. Внутриполитические процессы в России и Украине и перспективы российско-украинских отношений в период 2014–2020 гг. / отв. ред. В. И. Пантин и В. В. Лапкин. М.: ИМЭМО РАН, 2014. 120 с.
2. Субтельный О. Украина: история. Киев: Лыбидь, 1994. 736 с.
3. Hesli V., Reisinger W., Miller A. Political Party Development in Divided Societies: The Case of Ukraine // *Electoral Studies*, 1998, vol. 17, no. 2. P.235–256.
4. Kubicek P. Regional Polarisation in Ukraine: Public Opinion, Voting and Legislative Behaviour // *Europe-Asia Studies*, 2000, vol. 52, no. 2. P.273–294.
5. O'Loughlin J. The Regional Factor in Contemporary Ukrainian Politics: Scale, Place, Space, or Bogus effect? // *Post-Soviet Geography and Economics*, 2001, vol. 42, no. 1. P.1–33.
6. Wilson A. The Ukrainians: Unexpected Nation. New Haven and London: Yale University Press, 2015. 410 p.
7. Kuzio T. Ukraine. State and Nation Building. New York: Routledge, 1998. 298 p.
8. D'Anieri P., Kravchuk R., Kuzio T. Politics and Society in Ukraine. Boulder, CO: Westview Press, 1999. 344 p.
9. Вендина О. И., Колосов В. А., Попов Ф. А., Себенцов А. Б. Украина в политическом кризисе: образ России как катализатор противоречий // *Полис*. 2014. № 5. С. 50–67.
10. Алексеев В. Г. Бегом от Европы: кто и как противодействует в Украине реализации Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств. Харьков: Факт, 2008. 239 с.
11. Paasi A. Territories, Boundaries and Consciousness: The Changing Geographies of the Finnish-Russian Border. New York: John Wiley, 1997. 376 p.
12. Багалій Д. І. Історія Слобідської України. Харків: Дельта, 1993. 256 с.
13. Западные окраины Российской империи: [монография] / [Л. А. Бережная и др.; науч. ред. М. Долбилов, А. Миллер]. М.: Новое лит. обозрение, 2006. 607 с.
14. Боечко В., Ганжа О., Захарчук Б. Кордони України: історична ретроспектива та сучасний стан. Київ: Основи, 1994. 168 с.
15. Колосов В. А., Вендина О. И. Российско-украинская граница: социальные градиенты, идентичность и миграционные потоки (на примере Белгородской и Харьковской областей). Миграция и пограничный режим: Беларусь, Молдова, Россия и Украина / под ред. С. И. Пирожкова. Киев: Центр проблем изучения вынужденной миграции в СНГ и Национальный институт проблем международной безопасности, 2002. С. 21–26.
16. Zhurzhenko T. The New Post-Soviet Borderlands: Nostalgia, Resistance to Changes, Adaptation. A Case Study of Three Near-Border Villages, Kharkiv oblast, Ukraine, in Hurd M., ed. *Border Crossings: Territory, Memory and History in North and East Europe*, Eslöv: Gondolin, 2006. P.57–87.

17. Российско-украинское пограничье: двадцать лет разделенного единства / под ред. В. А. Колосова и О. И. Вендиной. М.: Новый хронограф, 2011. 352 с.
18. Крылов М., Гриценко А. Региональная и этнокультурная идентичность в российско-украинском и российско-белорусском порубежье: историческая память и культурные трансформации // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2012. № 2. С. 28–42.

Контактная информация:

Колосов Владимир Александрович — д-р геогр. наук, проф., вице-президент Русского географического общества; kolosov@igras.ru

Crisis in Relations between Russia and Ukraine and its Impact on Cross-Border Cooperation¹¹

Vladimir A. Kolosov

*Institute of geography of the Russian Academy of Sciences,
29, Staromonetny per., Moscow, 119017, Russian Federation;
Lomonosov Moscow State University,
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

For citation: Kolosov V. A. Crisis in Relations between Russia and Ukraine and its Impact on Cross-Border Cooperation. *Digest of World Politics*, vol. 10, ed. by T. S. Nemchinova, St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2020, pp. 444–464. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.30> (In Russian)

The Article is devoted to the impact of the crisis in relations between the two countries on the interaction between their border areas, the economy and the social sphere of the Russian border. The author briefly analyzes the prerequisites that led to an acute political conflict between the two States and gives an overview of the historical and ethno-cultural features of the development of the border regions of Russia and Ukraine. Then the specifics of the neighborhood and socio-economic gradients between the neighboring territories of the two countries are considered.

Keywords: cross-border cooperation, Ukraine, Russia, territorial identities.

References

1. *Internal Political Processes in Russia and in Ukraine and Prospects of Russian-Ukrainian Relations in 2014–2020*. Ed. by V.I. Pantin, V.V. Lapkin. Moscow, IME'MO RAN Press, 2014. 120 p. (In Russian)

---

¹¹ The work was performed within the framework of the state assignment No. 0148-2019-008 “Problems and prospects of the territorial development of Russia in the conditions of unevenness and global instability”.

2. Subtel'nyi O. *Ukraine: A History*. Kiev, Lybid' Publ., 1994. 736 p. (In Russian)
3. Hesli V., Reisinger W., Miller A. Political Party Development in Divided Societies: The Case of Ukraine, *Electoral Studies*, 1998, vol. 17, no. 2, pp. 235–256.
4. Kubicek P. Regional Polarisation in Ukraine: Public Opinion, Voting and Legislative Behaviour, *Europe-Asia Studies*, 2000, vol. 52, no. 2, pp. 273–294.
5. O'Loughlin J. The Regional Factor in Contemporary Ukrainian Politics: Scale, Place, Space, or Bogus effect? *Post-Soviet Geography and Economics*, 2001, vol. 42, no. 1, pp. 1–33.
6. Wilson A. *The Ukrainians: Unexpected Nation*. New Haven and London, Yale University Press, 2015. 410 p.
7. Kuzio T. *Ukraine. State and Nation Building*. New York, Routledge, 1998. 298 p.
8. D'Anieri P., Kravchuk R., Kuzio T. *Politics and Society in Ukraine*. Boulder, CO, Westview Press, 1999. 344 p.
9. Vendina O.I., Kolosov V.A., Popov F.A., Sebentsov A.B. Ukraine in political crisis: yje image of Russia as catalyzer of contradictions. *Polis*, 2014, no. 5, pp. 50–67. (In Russian)
10. Alekseev V.G. *Running from Europe?* Khar'kov, Fakt Publ., 2008. 239 p. (In Russian)
11. Paasi A. *Territories, Boundaries and Consciousness: The Changing Geographies of the Finnish-Russian Border*. New York, John Wiley, 1997. 376 p.
12. Bagalii D.I. *History of Slobodskaya Ukraine*. Khar'kiv, Delta Publ., 1993. 256 p. (In Russian)
13. *Western outskirts of the Russian Empire*. L. A. Berezhnaya et al.; sci. ed. by M. Dolbilov, A. Miller. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2006. 607 p.
14. Boechnko V., Ganzha O., Zakharchuk B. *The Borders of Ukraine: a Historical Retrospective and the Contemporary State*. Kiiv, Osnovi, 1994. 168 p. (In Ukrainian)
15. Kolosov V.A., Vendina O.I. Russian-Ukrainian Border: Social Gradients, Identity and Migration Flows (Case Belgorod and Kharkiv regions). Ed. By S.I. Pirozhkova. Kiev, *Tsentr problem izucheniya vynuuzhdennoi migratsii v SNG i Natsional'nyi institut problem mezhdunarodnoi bezopasnosti*, 2002, pp. 21–26. (In Russian)
16. Zhurzhenko T. The New Post-Soviet Borderlands: Nostalgia, Resistance to Changes, Adaptation. A Case Study of Three Near-Border Villages, Kharkiv oblast, Ukraine, in Hurd M., ed. *Border Crossings: Territory, Memory and History in North and East Europe*. Eslöv: Gondolin, 2006. P. 57–87.
17. *The Russian-Ukrainian Frontier: Twenty Years of Divided Unity*, ed. by V. A. Kolosov and O. I. Vendina. Moscow, Novy Chronograf Publ., 2011. 352 p. (In Russian)
18. Krylov M., Gritsenko A. Regional and Ethno-Cultural Identity in the Russian-Ukrainian and Russian-Belarusian Borderland: Historical Memory and Cultural Transformations, *Labirint. Zhurnal sotsia'no-gumanitarnykh issledovaniy*, 2012, no. 2, pp. 28–42. (In Russian)

Author's information:

Vladimir A. Kolosov — Dr. Sci. in Geography, Professor, Deputy Director of the Institute of Geography RAS, Vice-President of the Russian geographical society; kolosov@igras.ru